

НАТАЛЬЯ
ИЛИШКИНА

У Л А Н ДАЛАЙ

СТЕПНАЯ САГА

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЬ ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И43

Художественное оформление *Елизаветы Корсаковой*

Илишкина, Наталья Юрьевна.

И43 Улан Далай : степная сага / Наталья Илишкина. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2023. — 638, [2] с. — (Большая проза).

ISBN 978-5-17-154027-2

Наталья Илишкина родилась и выросла в Поволжье. Окончила Самарский государственный университет, филолог-германист.

«Улан Далай» — дебютный роман, основанный на архивных материалах, рассказах свидетелей времени и их потомков.

«Перед нами история калмыков, долгих четыре века верой и правдой служивших “Белому царю”, — история сбывшихся и не сбывшихся надежд, военных подвигов и тяжелых мытарств в годы депортации. Глазами трех поколений одной семьи — деда, сына и внука — автор видит советское прошлое. Но лишь один из них, прозрев к концу жизни, приходит к исчерпывающему осознанию его сути» (*Елена Чижова*).

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-154027-2

© Илишкина Н.Ю., 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Оглавление

Пролог	7
--------------	---

Часть первая. БААТР

Глава 1. МАЙ 1884 ГОДА	19
Глава 2. ИЮЛЬ 1892 ГОДА	33
Глава 3. АПРЕЛЬ 1893 ГОДА	47
Глава 4. АВГУСТ 1904 ГОДА	63
Глава 5. АВГУСТ 1905 ГОДА	78
Глава 6. ИЮЛЬ 1914 ГОДА	90
Глава 7. ФЕВРАЛЬ 1916 ГОДА	101

Часть вторая. ЧАГДАР

Глава 8. МАЙ 1918 ГОДА	119
Глава 9. МАРТ 1920 ГОДА	140
Глава 10. ФЕВРАЛЬ 1923 ГОДА	156
Глава 11. АПРЕЛЬ 1923 ГОДА	180
Глава 12. ИЮЛЬ 1928 ГОДА	209

Глава 13. ОКТЯБРЬ 1929 ГОДА	233
Глава 14. АВГУСТ 1932 — МАРТ 1933 ГОДА ...	278
Глава 15. МАЙ–ИЮНЬ 1935 ГОДА	298
Глава 16. АПРЕЛЬ–АВГУСТ 1937 ГОДА	332
Глава 17. ОКТЯБРЬ–НОЯБРЬ 1938 ГОДА	368
Глава 18. 6–9 СЕНТЯБРЯ 1940 ГОДА	410
Глава 19. МАЙ 1942 ГОДА	438
Глава 20. 26 ИЮЛЯ 1942 ГОДА	461

Часть третья. ИОСИФ - АЛЕКСАНДР

Глава 21. ДЕКАБРЬ 1943 — МАРТ 1944 ГОДА	483
Глава 22. МАРТ–МАЙ 1944 ГОДА	533
Глава 23. 9–10 МАЯ 1945 ГОДА	554
Глава 24. ДЕКАБРЬ 1948 ГОДА	575
Глава 25. 6 МАРТА 1953 ГОДА	600
Глава 26. ИЮЛЬ 1957 ГОДА	615
Эпилог	631
Благодарности	635

*Калмыцким предкам моих детей —
Владимира, Анны и Ланы —
посвящаю этот роман.*

Пролог

Улан-далай, улан-далай, улан-далай... Состав пересчитывал стыки, скрежетал на поворотах — шар-шар, вздрагивал всем своим длинным телом на остановках — таш-баш.

За свои шестьдесят с лишним зим Баатр лишь однажды ездил на поезде. В 1918-м. От станции Куберле до Царицына. И на машине однажды. Перед последней войной. Чагдар тогда на хутор прикатил, чтобы показать, каким он важным человеком стал. Еле проехал по бездорожью. Машина была вся словно мукой обсыпана внутри и снаружи: ну пыль — такое дело, как летом в степи без нее? Баатр надел бешмет и шапку, зажмурил глаза и полез внутрь. Водитель Сумьян повернул рукой какую-то штучку, машина заурчала, задрожала, затряслась. Баатр хотел тут же выпрыгнуть, но довольное лицо сына, усевшегося рядом в торжественной позе, остановило от позорного бегства. Тряско, шумно, вонько. Зачем людям эти уродливые тесные железные кибитки, что пахнут как, должно быть, пахнет из нижнего мира? Машина рванула и подпрыгнула на кочке — Баатр головой ударился о боковое стекло, шапка слетела прямо в ноги, да еще и красной кисточкой вниз — дурной знак.

Улан-далай, улан-далай, улан-далай... Вот уже две недели в кромешной тьме и могильном холоде слушает Баатр перестук колес: хард-ярд, хард-ярд. Над верхними нарами — пара зарешеченных мутных оконцец: оттуда виден мир.

На верхних нарах — дети, больше двух десятков. Еле уместили. Наверху не так стыло. Взрослые — внизу, кроме соседки Алты: она накануне высылки родила, ее с младенцем наверх определили. Мужчины в их вагоне — только из его, Чолункина Баатра, семьи. Все трое сыновей тут — везение редкое. Старший Очир еще в первую войну охромел, а на второй контузило. У среднего Чагдара — чахотка, комиссовали как раз перед выселением. А младший Дордже — он только телом на земле. Куда бы ни шел, что бы ни делал, всё молитвы бормочет. Хорошо, что неразборчиво, а то давно бы загремел в Сибирь, хоть и психическую справку имеет. Сейчас спит, воткнувшись лицом в широкий воротник овчинного тулупа. У остальных женщин мужья или на фронте, или погибли, или с немцами бежали. В их вагоне семей предателей не оказалось. А все равно всех без разбора в Сибирь повезли, такое вышло указание от товарища Сталина.

В темноте кто-то тронул Баатра за рукав. Невестка, Булгун. — Отец, Роза... всё... — прошептала Булгун и всхлинула.

Для бездетной Булгун младшая дочь Чагдара, луноликая девочка, так похожая на свою покойную мать, была большим утешением. Булгун надеялась, что Чагдар отдаст малышку им с Очиром на воспитание. Но девочка простыла еще до выселения, а неделя в холодной теплушке ее добила. Кашляла, кашляла... Как она кашляла!

— Пришло ее время. Пусть она переродится в прекрасной стране, — пробормотал Баатр.

— Деверю вы сами скажите, — попросила невестка.

— Не буду будить. Пусть пока думает, что девочка еще с нами.

— Я ее в угол положу, туда, где остальные.

— Нет, в руках пока поддержи. Вдруг ты ошиблась? Поддержи...

В темноте слышались шуршание, всхлипы, вздохи.

Баатр сжал в зубах старую трубку. Закурить бы, да табак на исходе, и Чагдара пощадить надо. Проснется

и засвистит-закашляется. Пусть спит. Пусть пока не знает, что меньшая дочка ушла. Может, еще и не ушла. Будет остановка, если засветло, когда дверь откроют, зеркальце к губам надо поднести, тогда понятно станет. Зеркальце у невестки есть. Но даже если Роза умерла, тело солдатам не отдавать. Пусть Дордже ритуалы сначала исполнит. А то выкинут девочку в снег без обрядов, серым на поживу.

Пока ехали вдоль Волги — умерших складывали в первом вагоне. После Сызрани Баатр отошел подальше от всех на санитарной остановке — срамота же рядом с женщинами в снег садиться «след смотреть». Конвойные дверь в первом вагоне распахнули, а оттуда полуголые окоченевшие тела выпадать стали, прямо им на голову. Мат-перемат — солдаты совсем не боятся, что накличут беду на себя и своих близких. Запихнули умерших кое-как обратно, а сверху еще положили.

А когда проехали Златоуст, в сумерках выгрузили трупы из вагона под насыпь. Не успели отъехать, а рядом уже вой раздался — вожак скликал стаю. Впервые за неделю Баатру захотелось, чтобы дверь вагона скорее заперли. Гора тел огромным муравейником высилась среди сугробов. А кругом огромные мохнатые деревья — тайга называется. Баатр столько деревьев никогда не видел. Хорошо, что стемнело быстро. Страшно в открытые глаза покойникам смотреть. А закрыть им глаза не всегда успевали. В вагоне Баатра старик Чованов вечером жив еще был, сидел у печки-буржуйки, грелся. Только руки протянул — вагон дернулся, он печку так и обнял, да еще и лицом к железу прилип. Намазали курдючным салом, всю ночь стонал, к утру затих. Двери в Златоусте распахнули, а у Чованова на ожогах и на бровях иней, а глаза такие круглые, каких у калмыков при жизни сроду не бывает.

Много страшного пережил Баатр в своей жизни, но такое... Весь народ от мала до велика от родной земли ото-

рвали и на погибель в холодную Сибирь отправили. Это не власть сделала, нет. Товарищ Сталин мог бы его старшего сына Очира в Сибирь отправить — он в белой армии воевал, да. Мог бы младшего Дордже выслать — на ламу учился, да. И среднего сына товарищ Сталин мог наказать — сбился красноконник с пути, женился на девушке белой кости. Но зачем товарищу Сталину высылать верных ему людей — ведь вся хуторская головка в соседнем вагоне едет. И главный энкавэдэшник из района с русской женой там же. А у него два ордена Красного Знамени, а нога всего одна — вторую за Сталинград отдал. Нет, товарищ Сталин такого не мог сделать. Это воля рассерженных богов.

Задумался Баатр. Запрыгали мысли. Чем народ прогневал бурханов? Дордже, его последыш, говорит, что великий Будда не велел убивать живых тварей и есть наказывал только траву. А как калмыку без мяса? Калмык траву не ест. Еще говорил Дордже, что Будда военных не одобряет. А донские калмыки сколько веков воевали за русских царей!

Баатр протянул руку за спину, пощупал домбру. Когда выселяли, он закутал ее в белую кошму — шырдык, как новорожденного младенца заворачивают перед зимней дорогой. Больше ничего не взял с собой в Сибирь. Домбру распеленали, чтобы закутать в кошму Розу. Но не спасла девочку намоленная кошма. Вышла малышка из берегов жизни. Да переродится она в чистой земле!

С последней выгрузки трупов еще двоим ребятишкам глаза закрыли. Сложили их в углу, где щель в полу большая и лед иголками вырос на досках — живым там не выжить. Заслонили мертвые дети колючий холод от живых. Прочитал Дордже над ними молитву. Нет у него сана, но где теперь найдешь ученого монаха? Всех монахов и настоятелей давно отправили куда-то на Урал.

Наверху места освободились — располневшую Сокки туда подняли. Рожать ей скоро. Чье дитя — непонятно.

Говорит: «Бурханы послали». Куда стыд девала! Яхэ-яхэ-яхэ! Лишь бы не от родственника по кости — навлечет беду на весь род. Пусть лучше от проходящего солдата беленький балдыр родится. Дотянула бы только Сокки до высадки. Не следует мужчинам и детям при родах быть. Конвойный вчера сказал: скоро выгрузка. Солдаты тоже измотались: две недели не мылись, завшивели, чешутся. Бьют шапки о сугробы, вгоняя в снег свою злость, и яростно скребут отросшие бороды.

Проклятые паразиты, никакой мороз их не берет. Чувствует Баатр, как привольно бегают насекомые по телу. Пусть вознесшиеся дети переродятся в прекрасной теплой Бумбе, где ни вшей нет, ни блох, ни клопов, ни комаров, ни мух. Лишь бы души их уже накопили достаточно заслуг, чтобы бурханы позволили им блаженствовать в Бумбе.

Хард-ярд — заскрежетали тормоза, таш-баш — загремели вагоны. Остановка. В темноте заворочались люди. Дети наверху завопили. Уже не гомонят, как раньше, силы кончились. Старший внук Вова оказался у окошка, рассказывал вслух всему вагону про поле подбитых самолетов в Сталинграде, про горящие на высоких трубах большие огни в Саратове, про огромный мост через замерзшую Волгу в Сызрани... Но чем дальше ехали, тем меньше открывал Вова рот. Все больше писал что-то в тетрадку. Он к словам способный. По-русски шпарит — от зубов отлетает.

— Володя, как станция называется? — услышал Баатр голос сына. Проснулся Чагдар. Надо про Розу шепнуть.

— Барнаул, — отозвался сверху ломающийся голос подростка.

— Выходит, нас на Алтай привезли, — заключил Чагдар.

Поезд пополз совсем медленно. Тащат их на запасные пути. Всегда так. Или ночью остановка, или на запасные отправляют. До Алтая добрались, значит. В сказании есть про Алтай. У подножия тысячезубого Алтая на востоке Бумбы лежат земли богатыря Джангра.

— Горы видно? — спросил Баатр внука.

— Не видно, дедушка.

Значит — не Алтай. Ошибся Чагдар. Надо про Розу сказать.

— Сынок, твоя младшая...

Чагдар подскочил, ударился головой о нары. Заскрипел зубами. Сполз по стенке.

— Невестка наша пока держит ее на руках. Не будем отдавать. Может, скоро доедем.

Заскрежетал засов. Шыр-р-р — отъехала в сторону дверь. Внутрь хлынул свет зимнего восхода. Баатр зажмурился. Но и при закрытых глазах слепило.

— Двое с ведрами — на выход! — с петушиным задором выкрикнул молодой голос.

Обычно за горячей водой и баландой на станциях ходили Очир и Чагдар. Но Чагдара надо сейчас побережь — не в себе он, нельзя посылать. Проморгался Баатр, отер глаза, приказал меньшому:

— Дордже, ты сегодня пойдешь с Очиром.

Только что очнувшийся от сна Дордже посмотрел на отца — что случилось? Понял, кивнул. Из-под нар выполз Очир. Взглянул на отца, на Чагдара, на распухшее от слез лицо жены. На куль из белой кошмы в ее руках. Молча взял составленные одно в другое ведра.

— Пошли! — сказал брату, спрыгнул вниз и не оглядываясь похромал за конвойным.

Дордже неловко полез из вагона спиной вперед, зацепился полой тулупа, заболтал ногами, ища опору. Развязался сыромятный шнурок — кусок кошмы, что был намотан на сапог, поволокся вслед.

— Дордже, на ноги посмотри! — крикнул Баатр.

Тот взглянул вниз, подхватил шнурок и обмотку, стал не глядя запихивать в карман. Защемило сердце у Баатра: почти сорок зим его последышу, а словно дите несмышленное.

— Умершие есть? Умершие есть, спрашиваю? — повторил хорошо знакомый низкий бас конвойного, которого окрестили Старшим Могильщиком.

— Нет, — Баатр не узнал свой голос.

— Что, съели с голодухи, людоеды? — захохотал Могильщик. — Это хорошо. Надорвались уже трупы врагов народа на себе таскать.

Чагдар, сидевший до того с опущенной головой, взвился, как пружина. Опять ударился головой о нары, громко, сильно. Рванулся к двери. Баатр ухватил его за полу шинели, дернул вниз. Чагдар приземлился с размаху на пол, застонал, закашлялся. Его била крупная дрожь — от ярости ли, от горя ли, от болезни ли...

— Не надо ничего доказывать, — прошептал сыну Баатр.

Женщины поняли, что мертвых пока не заберут, раз Старший Могильщик в вагон не полез. Казалось, весь нижний ярус одновременно выдохнул.

Мальчишки потихоньку сползли с нар — раньше ссыпáлись вниз, словно косточки-альчики, как только дверь открывалась, а теперь слезают медленно, силы берегут. Столпились в дверях, щурятся, надеются согреться. Только не греет зимнее солнце.

— Вон, вон кусочки угля валяются, — услышал Баатр взволнованный голос внука Йоськи. Остроглазый! Видно, с проезжавших платформ нападало.

— Где? Где? — загомонили дети.

— Да вон же, вон! Дедушка, можно мы уголь соберем? — спросил разрешения Йоська.

— Идите, — вытащил Баатр из-под себя кожаный мешок. — Только быстро.

— Я тоже с ними, можно, дедушка? — попросила шестилетняя Надя.

Суконный клетчатый платок с бахромой, намотанный поверх шубейки на вате, сковывал движения — куда ей уголь собирать, наступит на край платка, упадет носом вниз.

— Нет, девочка моя. Тебе еще подрасти надо.

Надя вздохнула, опустила голову.

— Как я теперь подрасту? Мяса-то нету.

— Не вздыхай, не гневи бурханов. Стой на карауле — следи сверху, вдруг поезд по рельсам пойдет, тогда им крикнешь, — предложил дед.

Надя приосанилась, встала посреди дверного проема.

Баатр оглянулся и встретился взглядом с невесткой. Та молча вынула из кармана зеркальце, покачала головой. Кивнул Баатр невестке — Булгун встала, пошла со своей ношей в темный угол, где лежали мертвые дети. Женщины проводили ее взглядом, забормотали молитвы.

— Дяди, дяди с едой возвращаются! — раздался радостный возглас Нади.

Женщины оживились, полезли в поклажу за деревянными чашками. Алта и Сокки, не слезая с нар, протянули свои посудины. Булгун поставила их на пол перед свекром. Протянула черпак.

— Так, сначала кипяток, а потом баланда. Баланда дольше не остывает, — напомнил Баатр.

— Хорошо, хорошо, — услышались голоса.

— Внучка, зови мальчишек.

— Кушать! — приставив ладошки в рукавичках ко рту, крикнула Надя.

Мальчишки потянулись к вагону, отирая о штаны измазанные углем руки. Йоська на правах старшего волок за собой мешок с добычей.

— Теперь согреемся! — галдели мальчишки наперебой. — Согреемся!

— Посторонись, сестренка! — попросил Йоська, сиюсья закинуть мешок с углем наверх. Но девочка не могла оторвать глаз от несущих еду дядей.

Со смертью Розы еще на одного едока стало меньше, подумал Баатр. Когда их грузили — было сорок человек. Теперь осталось тридцать четыре. Старик Чованов от ожо-

гов умер, его старуха на три дня позже, потом стали уходить дети. Первым — младенец Алты, молоко у нее пропало. Потом двое годовалых мальчишек — от холода. Пусть Роза будет последней ушедшей. Пусть оставшиеся доедут живыми.

— Дядя, дядя, поезд! — вдруг пронзительно закричала Надя.

Баатр, помогавший внуку затаскивать мешок с углем, резко поднял голову. Припадая на правую ногу, Очир уже подходил к вагону с двумя ведрами кипятка. А Дордже, поставив свою ношу на шпалы соседнего пути, поправлял размотавшийся кусок кошмы на втором сапоге. На него почти бесшумно надвигалась черная, залитая мазутом бочка-цистерна. Послышался свисток маневренного паровоза, удар — и согнутая фигурка бочком рухнула между путями, опрокинув ведра.

«Тридцать три осталось, — подумал Баатр, — только нечем кормить их сегодня».

Все онемело в Баатре. Он словно вышел из тела. Дыхание остановилось. Мир вдруг стал беззвучным. Он видел метнувшихся к Дордже конвойных, высунувшегося из окошка паровоза тонкошеего, щуплого машиниста, ужас на его безусом лице, обернувшегося, обмершего, но так и не отпустившего ведер с кипятком Очира — пар окутывал его плечи, — видел, как спрыгнул вниз Чагдар и побежал, путаясь в длиннополой шинели. А сам Баатр словно вырос до неба и взирал сверху на лежащего маленькой точкой своего последыша, на блестящие проволочки рельсов, бусины вагонов, коробочку вокзала и колбаски депо, на спичечки деревьев, замерзшие вены реки, черные щетки мохнатого леса и на тысячезубые жемчужные горы, где-то в сияющей под величественным солнцем дали. Он их узнал. Чагдар не ошибся. Это были те самые горы, за которыми находится божественная Бумба...

Наталья Илишкина. *Улан Далай*

Под восходящей зарею лежит она.
И величавой белой горой издавна
Эта земля с небесами соединена.
Тело земли отразил океан голубой.
Каждое утро выбрасывает прибой
На бесконечно темнеющие берега
Золота слитки, куски серебра, жемчуга.
Если глотнет океанской воды человек,
Станет бессмертным и юным пребудет вовек.

Да переродится его последыш Дордже в прекрасной,
соседней с этим краем стране...